

По следу исчезнувшей

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Тяя Сомелин

18+

Тея Сомелин

По следу исчезнувшей

«Автор»

2026

Сомелин Т.

По следу исчезнувшей / Т. Сомелин — «Автор», 2026

Три года Лира пыталась жить дальше после загадочного исчезновения матери. Но возвращение в родной город заставляет её снова задать вопросы, на которые никто не хочет отвечать. Как мать исчезла из закрытой лечебницы? Почему детские страшилки вдруг перестают казаться выдумкой? Чтобы найти правду, Лире придётся разобраться не только в прошлом семьи, но и в себе.

© Сомелин Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Вступление	5
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тея Сомелин

По следу исчезнувшей

Вступление

— Выбор есть всегда, — сказала я.

Получилось спокойнее, чем я ожидала. Почти уверенно. Тело, правда, этой уверенности не разделяло: пальцы похолодели, сердце колотилось у самого горла, а ноги словно решили именно сейчас перестать мне подчиняться.

Несколько секунд он молчал.

— Выбор есть всегда? — переспросил он.

Вот его голос действительно звучал спокойно. Издевательски. Слишком спокойно для человека, который загнал меня в темноту и теперь просто ожидал, моих дальнейших действий.

Его голос.

Мне не требовалось видеть лицо, чтобы понимать, кто стоит напротив.

Наверное, от этого было только хуже.

— Всегда.

Последнее слово звучало тише, чем хотелось.

Я почти ничего не видела. Темнота съела всё вокруг, оставив только очертания фигуры в нескольких шагах от меня. Ни лица, ни глаз — даже земля под ногами казался чем-то условным.

Но его взгляд я чувствовала прекрасно.

— Лира?

Он произнёс моё имя мягко. Почти ласково.

Беги.

Мысль возникла сама, без всяких рассуждений.

В темноте блеснули зубы.

Он улыбался. От мороза по коже, тело стало покрываться мурашками.

— Ты ведь понимаешь, что далеко не убежишь?

Беги.

На этот раз тело послушалось.

Я развернулась так резко, что чуть не потеряла равновесие, и рванула вперёд. Куда — понятия не имела. Перед глазами была одна чернота, под подошвами что-то твёрдое, воздуха почти сразу стало не хватать. Я зацепилась обо что-то ногой, едва не рухнула, но даже не замедлилась.

Дальше.

Быстрее.

И, ради всего святого, не оборачиваться.

Позади послышался смех. Негромкий, до боли знакомый — и от этого ещё более неприятный.

— Ну что ж, — донеслось из темноты. — Попробуй.

Меня зовут Лира.

Если верить книгам, фильмам и чужим рассказам, детство обычно вспоминается набором довольно безобидных вещей: разбитые коленки, поездки к родственникам, ненавистная молочная каша, первые друзья, нелепые семейные фотографии.

У меня всё это тоже было. Просто вместе с разбитыми коленками шли обереги над дверями, а вместе со сказками на ночь — подробные инструкции о том, почему нельзя отвечать незнакомцу, если после полуночи он стоит за калиткой и зовёт тебя по имени.

Впервые я заподозрила, что в нашей семье что-то устроено немного иначе, лет в пять.

Я проснулась посреди ночи от голосов родителей. Они ругались на кухне и старались говорить тихо, но наш старый дом вообще не уважал чужие секреты: половицы скрипели, трубы вздыхали за стенами, а разговоры прекрасно проходили через тонкие перегородки.

— Ты её пугаешь, — сказал отец.

— Я пытаюсь её защитить.

— От чего?

Мама ответила тише, и я разобрала только несколько слов. Что-то про дверь. Кажется, ещё про ночь.

Потом отец произнес:

— Ты сходишь с ума.

Я лежала под одеялом и очень хотела встать, прийти на кухню и объяснить ему, что он неправ.

Моя мама не могла быть сумасшедшей.

Она казалась мне самым добрым человеком на свете. У неё были мягкие рыжевато-каштановые волосы, которые вечно пахли чем-то сладким — то ли ванилью, то ли абрикосовым шампунем. Она смеялась громко, пекла тыквенное печенье и позволяла мне таскать крем пальцем прямо из миски, хотя потом обязательно делала вид, что сердится.

И рассказывала сказки.

Правда, со сказками была одна небольшая проблема: они не очень походили на те, что рассказывали другим детям.

В маминых историях люди иногда уходили из дома одними, а возвращались уже не совсем собой. Духи могли запомнить человеческое имя. Некоторые гости не нуждались в приглашении. А к зеркалам после определённого часа вообще стоило относиться осторожнее.

Особенно к старому зеркалу в нашем коридоре — овальному, в тяжёлой тёмной раме. После трёх ночи мама всегда накрывала его плотной тканью.

Однажды я спросила зачем. Мне тогда было семь.

Мама присела передо мной на корточки, поправила мои волосы и посмотрела так серьёзно, что я сразу перестала улыбаться.

— Потому что иногда лучше не видеть того, что уже увидело тебя.

Конечно, я решила, что это очередная страшилка.

Детям вообще удивительно легко принять домашние странности за норму. Ну висит над дверью мешочек с травами — значит, у всех висит. Мама вышивает какие-то знаки на внутренней стороне моей одежды? Наверняка и другим вышивают.

И всем ведь запрещают открывать калитку человеку, который глубокой ночью почему-то знает твоё полное имя.

Разве нет?

То, что нет, выяснилось позже.

Сначала я начала замечать взгляды соседей, потом — родителей одноклассников. Кто-то разговаривал с мамой подчеркнуто мягко, тщательно подбирая слова, будто боялся случайно нажать не на ту кнопку. Кто-то посмеивался. Другие просто старались не задерживаться рядом.

Даже родственники порой смотрели на неё так, что объяснений не требовалось.

С возрастом маминых правил становилось только больше. После десяти — домой. Никаких случайных ночных знакомств. Не приглашать человека внутрь, если он без причины назвал твоё полное имя. После трёх часов не смотреться в зеркало.

И главное — Хэллоуин.

В эту ночь после заката я не должна была выходить из дома вообще.

К этому правилу мама относилась особенно серьёзно. До наступления темноты она обходила комнаты, проверяла окна и замки, раскладывала сушеные травы по подоконникам. Иногда по дому появлялись маленькие фигурки из ниток — довольно жуткие, если честно.

— Сегодня граница тоньше, — говорила она.

Какая именно граница, я понятия не имела. Да и со временем перестала спрашивать.

К тринадцати годам всё это начало ужасно раздражать. Мне хотелось жить как остальные: оставаться у подруги с ночевкой, не придумывая объяснений; покупать новую куртку и не находить через пару дней вышитый знак на подкладке; проходить по улице, не слыша за спиной: «Это дочка той странной женщины».

Или того хуже:

«Ну, той сумасшедшей».

Я стала стесняться мамы.

До сих пор мерзко это признавать.

Наверное, некоторые вещи в четырнадцать кажутся мелочью, а потом проходят годы — и ты вдруг понимаешь, что прекрасно помнишь каждую.

Когда мне исполнилось четырнадцать, отец решил, что дальше так продолжаться не может. Я должна была пожить у его матери, моей бабушки, которая находилась в нескольких сотнях километров от нас.

Тогда расстояние казалось мне чем-то вроде лекарства.

У бабушки никто не завешивал зеркала, над дверями ничего не висело, а после трёх ночи зеркало оставалось просто зеркалом. На Хэллоуин можно было выйти на улицу. Никто не интересовался, каким именем представился новый знакомый и в какое время суток это произошло.

Первые недели я наслаждалась свободой.

Мама звонила постоянно. Телефон вибрировал на столе, на подоконнике, в кармане школьной формы. Иногда я отвечала, но гораздо чаще смотрела на экран и ждала, пока он погаснет.

Бабушка говорила, что мне нужно время. Отец приезжал раз в несколько недель и почти ничего не рассказывал о маме, а я почти ничего не спрашивала. Нас обоих это, кажется, устраивало.

Иногда отец привозил с собой коробку с моим любимым тыквенным печеньем. Я съедала всё до последней крошки.

И всё равно не звонила.

В четырнадцать лет довольно легко убедить себя, что молчание — это не жестокость. Особенно когда где-то глубоко внутри ты ужасно боишься однажды стать похожей на человека, которого любишь.

Потом мама перестала звонить.

Я заметила не сразу. Прошла неделя, потом вторая. Потом почти месяц.

Однажды вечером я сидела над домашним заданием и вдруг попыталась вспомнить её голос.

Не получилось.

Не совсем.

Я помнила отдельные слова, интонации, её смех — а сам голос уже начинал расплываться.

В тот год мне начали сниться кошмары.

И в тот же год маму поместили в лечебницу Отца Габриэля.

Отец сказал, что ненадолго. Там хорошие специалисты, ей помогут, сейчас так будет лучше — ей, мне, всем.

Взрослые любят это выражение.

«Так будет лучше».

Я поверила. Наверное, потому что очень хотела.

После этого маму я больше не видела.

Через несколько недель она исчезла.

Не выписалась. Не сбежала из дома. Исчезла из закрытого стационара, где находилась под наблюдением врачей.

По официальной версии никто не видел, как она покинула здание. Никто не знал, куда она могла пойти. Камеры ничего полезного не показали, охрана ничего не заметила, медсестры ничего не слышали.

Слишком много «ничего» для места, из которого вроде бы нельзя просто взять и выйти.

Её искали.

По крайней мере, мне так говорили.

Прошло три года. От мамы остались фотографии, несколько вещей в коробках и воспоминания, которые стирались быстрее, чем мне хотелось.

Иногда я скучала по её волосам. Иногда — по тому, как она обнимала меня обеими руками и слегка покачивалась, словно я всё ещё маленькая.

Но чаще вспоминала телефон.

Как он вибрировал рядом. Как на экране появлялось слово «Мама», а я смотрела и ждала, пока звонок прекратится.

Вот с этим оказалось сложнее всего.

Потому что теперь я бы ответила.

Сразу.

Только звонить больше некому.

Глава 1

Воздух тяжёлый, влажный. Я пытаюсь вдохнуть глубже, но одежда липнет к коже, а каждый вдох дается с усилием.

Кап.

Где-то совсем рядом капает вода.

Кап.

И ещё одна.

Кап.

Я открываю глаза и несколько секунд не понимаю, на что смотрю.

Подо мной вода — черная, неподвижная. Ни пола, ни матраца, ни земли. Я лежу прямо на поверхности и почему-то не тону.

Переворачиваюсь на живот.

Вокруг ничего.

Темнота тянется во все стороны, и невозможно понять, где заканчивается вода и начинается небо.

— Где я?..

Голос уходит вдаль и возвращается эхом.

— Почему я...

— Он рядом.

Я замолкаю.

— Нам не спастись.

Шёпот доносится будто сразу отовсюду: издалека и одновременно прямо из-за плеча.

— Кто здесь?

Ответа нет. Вода едва заметно колыхнется вокруг рук.

Я медленно поворачиваюсь.

— Эй? Кто здесь?

— Ты не спасёшь её.

По спине пробегает холод.

— Кого?

Снова ничего.

Я жду. Секунду, вторую, еще несколько.

А потом совсем близко слышу:

— Он уже тебя услышал.

Я резко оборачиваюсь, вода расходится вокруг меня кругами.

Никого.

— Что за...

Сердце колотится всё быстрее.

Остаться на месте страшнее, чем плыть неизвестно куда, поэтому я начинаю грести вперед. Холод быстро пробирается под одежду.

И тут вдали появляется свет.

Я останавливаюсь.

Шёпот исчез.

Моргаю несколько раз, но свет остается. Посреди чёрной воды действительно виден крошечный островок суши, а на нём — старый фонарь. Его жёлтого света хватает лишь на небольшой круг земли вокруг.

— Эй! — кричу я. — Здесь кто-нибудь есть?

На границе света появляется фигура.

Женщина.

Лица я не различаю, только силуэт.

— Я здесь, Лира.

Всё внутри будто отключается на секунду.

Три года.

Я не слышала этот голос три года.

Но узнаю сразу.

— Мам?

Фигура не двигается.

— Мама!

Я бросаюсь к ней и гребу изо всех сил. До берега кажется совсем недалеко — несколько десятков метров, не больше.

Только он не приближается.

Я плыву, вода бьет в лицо, руки уже начинают болеть, а расстояние остаётся прежним.

— Лира! — зовёт мама.

Теперь в её голосе слышен страх.

— Я тут! Подожди!

Что-то касается ноги.

Я замираю.

Нет.

Не касается.

Хватает.

Пальцы — или что-то очень похожее на пальцы — сжимают щиколотку под водой.

Я дергаю ногой. Бесполезно.

Потом тяжелеет и вторая.

— Мама!

Фонарь становится меньше.

— Нет... нет, стой!

Я гребу сильнее, но остров уже отдаляется.

Так не бывает.

— Лира!

— Мама!

Справа раздаётся низкий гул.

Я поворачиваю голову.

Вода поднимается передо мной стеной.

Нет.

Волной.

Огромной.

— Открой глаза.

Голос уже не мамин.

Волна обрушивается сверху.

Всё исчезает.

Ледяная вода забивает рот и нос. Я пытаюсь вынырнуть, но не понимаю, где поверхность.

— Открой глаза.

Руки цепляют пустоту.

Лёгкие горят.

— Открой глаза!

Я вскакиваю на кровати и судорожно втягиваю воздух.

Комната.

Моя комната у бабушки. Кровать, шкаф, книги на подоконнике, серое утро за окном.
Я хватаю одеяло.

Сухое.

Простыня тоже. И волосы.

— Лира! Господи, ну нельзя же так пугать!

Я вздрагиваю.

В дверях стоит бабушка — в домашнем халате, с собранными на затылке волосами. Она явно сердится, но недостаточно хорошо, чтобы скрыть испуг.

— Я тебя минут пять бужу. Опять читала полночи? Ты хоть на часы смотрела? Отец через полчаса будет.

Я смотрю на неё, а слышу всё ещё другое:

«Лира».

— Лира?

— Да.

Голос хрипит. Я сглатываю.

— Всё нормально.

Бабушка прищуривается. Ей можно соврать о многом, но эта фраза на неё никогда не действует.

— Опять кошмар?

Я киваю, и выражение ее лица немного меняется.

— Внизу завтрак. И, пожалуйста, не заставляй отца ждать. Хотя сегодня.

Она закрывает дверь.

Я остаюсь одна и рассматриваю ладони.

Сухие.

Ну конечно.

А что я ожидала увидеть? Воду? Водоросли? Синяки от пальцев на щиколотке?

— Сон, — говорю я вслух. — Просто сон.

Звучит не очень убедительно.

Я обхватываю себя руками. Перед глазами всё ещё стоит фонарь и женская фигура в желтом свете.

— Мам...

Сегодня мое последнее утро в бабушкином доме в качестве постоянного жильца.

Звучит немного драматично, но факт есть факт: мне семнадцать, и после нескольких месяцев разговоров отец наконец решил, что я могу вернуться в родной город, закончить там школу, а потом уже поступать в колледж.

Мне назвали множество причин. Так логичнее. Мне пора возвращаться. Я уже взрослая.

Лично я подозревала, что главная причина проще: отцу надоело жить одному в слишком большом доме.

После завтрака я тащу чемоданы в прихожую. Бабушка раз за разом проверяет, всё ли я взяла: зарядку, документы, свитер, лекарства, зубную щетку. На шестой проверке выясняется, что щётка по-прежнему лежит там же, где лежала во время первой.

На седьмой она сдаётся и разрешает отцу загрузить вещи в машину.

Я ожидаю долгого прощания, но ничего такого не происходит. Бабушка просто подходит и обнимает меня чуть крепче обычного.

— Позвони, когда доедете.

— Позвоню.

— И нормально ешь.

— Ба.

— Что «ба»? Я тебя знаю.

— Буду нормально есть.

— И не сиди ночами.

— Постараюсь.

— И...

— Ба.

Она вздыхает.

— Ладно. Езжай уже, пока я ещё что-нибудь не вспомнила.

Я улыбаюсь.

Через несколько минут её дом исчезает за поворотом.

Большую часть дороги мы с отцом молчим. Он смотрит вперёд, я — в окно. Поля сменяются заправками, деревнями и маленькими городами, потом снова начинаются поля.

Чем ближе мы к дому, тем чаще пейзаж подкидывает что-нибудь знакомое.

На одном из поворотов мама когда-то заставила отца остановиться из-за раненой сороки. Он ворчал, пока она заворачивала птицу в свой шарф, а домой мы в итоге приехали с коробкой, из которой всю дорогу доносилось возмущенное шуршание.

Потом появляется старая водонапорная башня. Мост. Поворот к торговому центру.

Наконец — табличка с названием города.

Тоска приходит без всякого предупреждения. Не такая, как в кино, где для нее обязательно нужны дождь, музыка и красивое выражение лица. Просто в какой-то момент становится неприятно смотреть по сторонам.

Я отворачиваюсь к окну.

— Первое время, скорее всего, будет непривычно, — говорит отец.

Я не сразу понимаю, что он обращается ко мне.

— Что?

Он на секунду переводит взгляд с дороги.

— Говорю, тебе может быть сложно. Три года всё-таки. Ты давно здесь не жила.

— Угу.

— Люди изменились. Город тоже.

— Угу.

— Но освоишься.

Я киваю.

Некоторое время слышен только шум шин.

— И если что-нибудь случится... — начинает отец и ненадолго замолкает. — Ты можешь со мной поговорить.

Фраза звучит так официально, что хочется спросить, нужно ли предварительно записываться на приём.

Впрочем, отец адвокат. Видимо, работа всё-таки портит людей по-своему.

Близкими мы никогда особенно не были. В детстве большую часть времени я проводила с мамой, а отец работал — много, допоздна, часто возвращаясь уже раздраженным. Когда с мамой стало сложнее, мой распорядок вдруг заполнили музыка, английский, танцы, дополнительные занятия и репетиторы.

Тогда мне казалось, что отец просто заботится о моём будущем.

Теперь я не так уверена.

Из-за деревьев появляется краснокаменное здание.

Я узнаю его раньше, чем успеваю прочитать табличку.

Лечебница Отца Габриэля.

Если не знать, что внутри палаты и кабинеты врачей, ее легко принять за старую церковь: красный камень, узкие высокие окна, витражи, темная крыша и центральный корпус, который возвышается над остальными.

Я поворачиваю голову и смотрю на здание, пока оно медленно уходит назад.

Там мама провела последние недели перед исчезновением.

И там её потеряли.

— Лира.

Я продолжаю смотреть назад.

— Лира?

— Что?

— Может, остановимся пообедать?

Я наконец перевожу взгляд на отца. Он улыбается осторожно, словно заранее не уверен, какой получит ответ.

— Можно.

Минут через десять мы сворачиваем на знакомую улицу, и я замечаю огромную вывеску:

«Вафли тетюшки Петти».

Неожиданно для самой себя улыбаюсь.

Кафе почти не изменилось. Те же большие окна, те же клетчатые занавески, даже рисованная вафля на вывеске осталась прежней — с глазами, руками и настолько широкой улыбкой, что теперь она кажется мне слегка пугающей.

В детстве мы часто приходили сюда по выходным втроем. Мама неизменно заказывала шоколадные венские вафли с вишневым вареньем и ванильным мороженым.

Я думаю об этом, пока у столика не появляется официантка.

— Определились?

Отец закрывает меню.

— Кофе и вафли с беконом.

Девушка смотрит на меня.

Меню я даже не открывала.

— Шоколадные вафли с вишневым вареньем и ванильным мороженым.

Она записывает заказ.

На секунду мне кажется, что её ручка остановилась.

Нет.

Дело не в ней.

Отец смотрит на меня чуть дольше обычного.

— Напиток? — спрашивает официантка.

— Нет, спасибо.

Когда она уходит, отец проводит пальцем по краю чашки.

— Мама такие любила.

Вот так.

Не по имени. Просто «мама».

— Помню.

Он едва заметно улыбается, и именно в этот момент я понимаю, что больше не хочу делать вид, будто существует список тем, которых мы оба обязаны избегать.

— Ты её искал?

Улыбка исчезает.

— Лира...

— Я просто спросила.

Он выдерживает паузу.

— Да.

— Как?

— Что значит «как»?

— Именно это и значит. Ты нанимал кого-нибудь? Обращался в другие города? Проверял камеры, искал свидетелей? Что вообще делали после её исчезновения?

Отец заметно напрягается.

— Этим занималась полиция.

— Три года назад.

— И?

— И её нет до сих пор.

Он выдыхает и откидывается на спинку стула.

— Ты только сегодня вернулась.

— При чём здесь это?

— Я не хочу, чтобы в первый же день ты опять погружалась в прошлое.

— Оно никуда не исчезало.

— Иногда лучше всё-таки двигаться дальше.

Я несколько секунд смотрю на него.

— Двигаться дальше?

— Лира...

— Моя мать пропала из закрытой лечебницы. Там были врачи, охрана, камеры. Никто не видел, как она вышла. Никто не знает, куда она делась. И каждый раз, когда я пытаюсь узнать хоть что-нибудь, мне говорят: «не сейчас», «не начинай», «живи дальше».

Отец качает головой.

— Потому что ты не знаешь всех обстоятельств.

Я замолкаю.

Вот это уже новое.

— Каких обстоятельств?

По его лицу видно: говорить этого он не собирался.

— Пап.

Он молчит.

— Каких?

— Не здесь.

— А где?

— Лира.

— Ты только что сказал, что я чего-то не знаю. Так расскажи.

Он кладет ладонь на стол.

— Тебе не нужно в это лезть.

— Почему?

— Потому что такими вещами должны заниматься специалисты.

— Мне семнадцать.

— И что?

— И это моя мать.

— Это ничего не меняет.

— Для меня меняет.

— Ты не понимаешь...

— Так объясни.

Он опять замолкает, и раздражение, которое ещё минуту назад хотелось выплеснуть на него целиком, вдруг становится гораздо холоднее.

— Те самые специалисты? — спрашиваю я. — Которые за три года ничего не нашли?

— Лира.

— Я серьёзно. Как человек вообще может исчезнуть из такого места? Она что, сквозь стену прошла?

— Прекрати.

— Почему камеры ничего не показали? Почему никто...

Отец ударяет ладонью по столу.

Не сильно, но достаточно громко, чтобы за соседним столиком обернулись.

— Хватит.

Я смотрю на него пару секунд, потом отодвигаю стул.

— Я больше не хочу есть.

— Сядь.

— Не хочу.

— Лира.

Я встаю.

— Увидимся дома.

— Даже не думай сейчас уходить.

Но я уже иду к выходу.

— Лира!

Дверь кафе захлопывается за моей спиной, звякнув колокольчиком.

Я не собиралась идти к лечебнице.

Вообще.

Примерно через час, стоя перед ее воротами, я все еще придерживаюсь этой версии событий.

Просто шла. Потом свернула на одну улицу, на другую, увидела знакомую башню — и как-то так получилось, что пришла сюда.

Без плана. Очень удобно.

За время прогулки успело стемнеть. Днём город казался шумным и вполне обычным, а вечером будто разошелся по домам раньше меня. По тротуару катятся сухие листья, редкие прохожие спешат по своим делам, и на каждом выдохе перед лицом появляется облачко пара.

Я поднимаю голову.

Над входом висит табличка:

ЛЕЧЕБНИЦА ОТЦА ГАБРИЭЛЯ

Чуть ниже, мелкими буквами:

Основана в 1918 году. Работаем круглосуточно.

— Прекрасно, — бормочу я. — Интересно, охрана тоже круглосуточная?

Шутка получается так себе, но других сейчас нет.

Передо мной массивная входная дверь. Не дверь даже — ворота в чей-нибудь фамильный склеп.

Что я собираюсь делать?

Войти? Подойти к стойке и объявить:

«Здравствуйте. Три года назад вы потеряли мою мать. Можно посмотреть документы?»

Наверняка сразу всё выдадут.

Ещё и чай предложат.

Отличный план, Лира.

Я уже почти решаю уйти, когда появляется неприятное ощущение, будто кто-то стоит позади и смотрит мне в спину.

Медленно оборачиваюсь.

Никого.

Через дорогу горит фонарь. Тротуар пуст, голые ветви деревьев шевелятся на ветру.

Я осматриваю окна домов.

Тоже ничего.

— Накрутила себя.

Ну а почему бы и нет. После утреннего кошмара, ссоры с отцом и вечерней прогулки к психиатрической лечебнице странно было бы чувствовать себя совершенно нормально.

Я делаю шаг назад.

Потом ещё один.

За спиной скрипит дверь.

Резко оборачиваюсь.

Тяжелая створка медленно открывается наружу.

Чёрт.

Меня заметили?

По-хорошему надо отойти с дороги, но вместо этого я почему-то остаюсь на месте.

Из здания доносится мужской голос:

— Боже, сколько вообще весит эта дверь?

Я моргаю.

— Её специально сделали такой? Типа последний шанс передумать лечиться ещё на входе?

Дверь продолжает открываться.

Прямо на меня.

Я успеваю отступить всего на полшага.

Поздно.

Край створки врежется в плечо.

— Ай! Чёрт!

Я отскакиваю, схватившись за ушибленное место.

Дверь останавливается.

С другой стороны появляется парень.

Высокий, светловолосый, примерно моего возраста. Он на секунду замирает, всё ещё держась за дверь, и смотрит на меня с таким искренним недоумением, будто совсем не ожидал обнаружить по ту сторону живого человека.

Я успеваю его рассмотреть. Лицо с четкими, уже совсем не мальчишескими чертами: выраженные скулы, прямой нос, чуть упрямый подбородок. Светлые волосы падают на лоб и слегка растрепаны, но ему это почему-то идёт. Внешность у него не броская в том смысле, когда человек сразу кажется безупречно красивым. Скорее наоборот — взгляд задерживается сам, а причина доходит не сразу.

Несколько секунд мы молчим.

Глаза у него серо-голубые. Сейчас они широко распахнуты от растерянности, и вся эта уверенная внешность вдруг даёт трещину: парень выглядит почти виноватым.

— Простите, — наконец говорит он. — Вы в порядке?

Я осторожнодвигаю плечом.

— Жить буду.

— Это я вас так?

Смотрю на дверь.

— Если у неё нет собственного сознания, то, видимо, да.

Он тоже переводит взгляд на тяжёлую створку.

— Я бы пока не исключал эту версию.

Я против воли улыбаюсь.

Парень выходит наружу, всё ещё придерживая дверь.

— Сильно попало?

— Нет.

— Точно? Просто эта штука даже покойника...

Он осекается.

Я поднимаю брови.

— Что?

— Пожалуй, не лучшее выражение рядом с лечебницей.

— Пожалуй.

— Могу придумать другое.

— Не обязательно.

— Жаль. В следующей версии покойников уже не было.

На этот раз улыбку скрыть не получается.

Он замечает, но, к счастью, не комментирует.

Я смотрю мимо него, на витражные окна.

— Вы внутрь собирались? — спрашивает он.

Перевожу взгляд на открытый проход.

Ещё несколько минут назад мне казалось, что самое сложное — просто подойти к двери.

Теперь выяснилось, что есть продолжение.

— Да... собиралась.

Парень отходит в сторону и придерживает створку.

— Тогда прошу.

Я не двигаюсь.

Он ждёт.

Через несколько секунд слегка приподнимает бровь.

— Сейчас.

Прекрасно, Лира. Очень убедительно.

Я машинально складываю руки на груди, тут же понимаю, что выгляжу ещё более нервной, и опускаю их.

Обычное здание.

Обычная дверь.

Обычный незнакомый парень, который только что чуть не вывихнул мне плечо.

Я делаю шаг.

Потом ещё один.

Переступаю порог.

И именно в этот момент телефон в заднем кармане начинает звонить так громко, что я вздрагиваю всем телом.

За спиной раздается приглушенный смешок.

Я оборачиваюсь.

— Смешно?

Парень отчаянно пытается выглядеть серьёзным.

Не особенно успешно.

— Ни капли.

— Конечно.

— Я вообще очень серьёзный человек.

Телефон продолжает звонить.

На экране высвечивается:

Папа.

Ну разумеется.

Я на секунду закрываю глаза.

— Только не сегодня.

— Простите?

— Не вам.

Смотрю на телефон, потом в глубину лечебницы.

Нет.

На сегодня с меня хватит.

— Видимо, в другой раз.

Разворачиваюсь к выходу.

Парень снова берётся за дверь — теперь уже обеими руками.

Выводы делает быстро.

— Может, в следующий раз даже получится пройти дальше порога.

Я бросаю на него взгляд.

— Очень смешно.

— Спасибо.

— Это был сарказм.

— Всё равно приятно.

Я качаю головой, выхожу на улицу и принимаю звонок.

— Да, пап?

Отец даже не здоровается.

— Лира, где ты?

Я успеваю отойти на несколько метров, когда позади слышу:

— Я, кстати, Артур!

Останавливаюсь и оборачиваюсь.

Блондин всё ещё стоит в дверях лечебницы, придерживая створку одной рукой.

— Надеюсь, ещё увидимся!

Я ничего не отвечаю. Смотрю на него секунду и снова поворачиваюсь к дороге.

Но имя почему-то запоминается сразу.

— Лира? — голос отца становится тревожнее. — Ты меня слышишь? Уже темно. Где ты?

Я ещё раз смотрю на лечебницу: на витражные окна, на Артура в дверях, на высокий краснокаменный корпус, где три года назад исчезла моя мать.

— Лира?

Отворачиваюсь.

— Уже иду домой.

— Откуда?

— Пап...

Он вздыхает.

— Я скоро буду.

Убираю телефон и иду дальше.

Через несколько шагов снова появляется то самое неприятное чувство — будто кто-то провожает меня взглядом.

На этот раз я не оборачиваюсь

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.